

Элизабет содрогнулась от ужаса. Взгляд девушки невольно устремился к эшафоту, и ей снова захотелось убежать отсюда, чтобы больше ничего не видеть. Уже при подъезде к дворцу один вид эшафота вызвал у нее отвращение. Высокий, обитый черной материей помост был подобен огромному гробу.

— Какой позор! — с дрожью в голосе сказал отец Элизабет.

Лорд Рейли, бледный, с окаменевшим лицом, казалось, был близок к тому, чтобы потерять самообладание, и с трудом сохранял спокойствие перед тем, что невозможно было постичь.

— Славу Англии этот спектакль, конечно, не умножит, — согласился с ним Гарольд Данмор, хозяин плантации. Скрестив руки на груди и наморщив лоб, он, однако, наблюдал за происходящим на эшафоте с определенным интересом.

Элизабет зябко повела плечами и сильнее запахнулась в подбитую мехом накидку. В этот январский день было холодно, резкие порывы ледяного ветра снова и снова били ей в лицо. Она держалась поближе к отцу, хотя испытывала непреодолимое желание убежать отсюда как можно дальше. Скорее бы все это закончилось!

Прошел уже почти час с того момента, как короля через дверь с окошками вывели из Банкетного зала прямо на эшафот. Очевидно, это было пожелание короля Карла — обратиться с последним словом к своему народу, — однако его кровный враг Кромвель знал, как не допустить этого. Пространство вокруг эшафота было заполнено войсками. Кавалерия и пехота окружили место казни вплоть до примыкавшей улицы, так что собравшаяся толпа не смогла бы понять, что

хотел сказать король. Карл I уже довольно продолжительное время говорил с епископом и полковниками, сопровождавшими его на последнем пути. Писарь старательно записывал каждое слово короля. Немногочисленные сановники, с несчастным видом стоявшие у эшафота, почтительно склонили головы. Палач и его подручный, спрятав лица под темными масками, держались позади в ожидании, когда наступит момент, чтобы исполнить свои обязанности.

Из окон Банкетного зала высовывались зеваки — высокопоставленные чиновники, духовные лица и пэры, перебежавшие на сторону Кромвеля и получившие в награду за это возможность увидеть, как закончит жизнь английский монарх.

Осанка короля была исполнена достоинства. Он стоял, выпрямившись и гордо подняв голову.

Один из полковников во время речи короля неловко сдвинулся с места и толкнул стол, на котором лежал топор палача. По толпе прошел ропот, когда неуклюжий офицер поспешно схватился за топор, чтобы не дать ему упасть.

Карл I прервал свою речь и, казалось, сделал какое-то шутовское замечание, вызвавшее на лице полковника вымученную улыбку.

Затем король еще некоторое время продолжал говорить, пока наконец не остановился и велел епископу подать шляпу, которую он сам надел себе на голову. После этого он обратился к палачу и что-то ему сказал. А потом, явно по просьбе палача, король спрятал свои длинные волосы под шляпу, чтобы они не мешали обезглавить его.

Отец Элизабет мучительно застонал.

— Черт возьми, — пораженно произнес Гарольд Данмор, — этот король действительно бесстрашно смотрит смерти в глаза!

Его сын Роберт шагнул к Элизабет и схватил ее за руку, как будто желая утешить.

Такие невольные жесты были вполне в его характере. Она с благодарностью ответила на рукопожатие Роберта, и ей на какой-то миг даже стала приятна его забота. Хотя девушке все

еще с трудом верилось, что она вот уже две недели обручена с ним. Обладавший привлекательной внешностью, загоревший под карибским солнцем, Роберт резко выделялся на фоне всех этих бледнолицых особ в зимней Англии.

— Возможно, тебе лучше не смотреть на это зрелище, — посоветовал он Элизабет. — То, что сейчас будет, не для девушки.

— Ничего подобного, — возразил его отец Гарольд. — Элизабет не такая, как эти изнеженные плаксы! У девушки, которая в мужском седле галопом скачет на лошади по полям, хватит мужества, чтобы увидеть, как умирает ее король. Неужели она проделала вместе с нами весь этот путь сюда от Рейли-Манора, чтобы в последний момент лишиться своего сочувствия и участия бедного Карла?

Элизабет вздернула подбородок и смело посмотрела на своего будущего свекра.

— Разумеется, я не отведу взгляда!

Она не сочла нужным объяснить, что на самом деле приехала сюда не для того, чтобы король почувствовал, что умирает не в одиночестве среди врагов, а лишь потому, что была нужна своему отцу. У него в этот тяжкий час не осталось больше никого, кто поддержал бы его. Элизабет знала, что отец буквально умирал от тоски и страха. Честь и достоинство вынуждали его оставаться на стороне своего короля, однако заповеди разума требовали, чтобы он, оказавшись в столь безнадежном положении, не ставил на карту как собственную жизнь, так и жизнь своих близких. «Круглоголовые» во главе с Оливером Кромвелем беспощадно расправлялись со всеми роялистами, которые продолжали открыто выступать против новой власти имущих. Ее отец был вынужден соблюдать осторожность, несмотря на то что его сердце разрывалось от горя. Если бы это было возможно, он пожертвовал бы своей жизнью и вышел бы на эшафот вместо Карла, положив голову на плаху. Однако теперь ему не оставалось ничего иного, как вытерпеть все до конца в этот самый тяжкий для его повелителя час. Пусть даже Карл не мог

больше говорить со своими друзьями и соратниками, но видел и знал, что он не один.

Элизабет отняла у Роберта свою руку, подошла к отцу и обняла его за талию. Тот почти не обратил на нее внимания. Застыв от горя и ужаса, он неотрывно смотрел на мрачное возвышение.

Король снял с себя накидку и орден Подвязки, отдав последний епископу. Затем снял с себя камзол и снова завернулся в накидку. Не медля больше ни секунды, он опустился на колени перед плахой и, воздев руки к небу, произнес свою последнюю молитву. Наконец он опустил голову на плаху. Палач взял в руки свой топор и приготовился. Король вытянул руку в сторону — это был, безусловно, заранее согласованный сигнал, — и палач, размахнувшись, изо всех сил обрушил топор на незащитную шею. Палач знал свое дело. Голова отлетела от тела после первого же удара.

Толпа в один голос издала глухой подавленный стон, словно превратилась в какое-то единое существо, подвергающееся мучениям. Лорд Рейли, донельзя удрученный, тоже глухо вскрикнул. Элизабет почувствовала, как вздрогнул ее отец. Кровь ярко-красными брызгами разлетелась вокруг тела короля, упавшего на эшафот, а помощник палача схватил за волосы подкатившуюся к его ногам голову и высоко поднял ее.

— Это голова изменника! — торжественно провозгласил он, показав толпе свой страшный трофей, из которого струилась кровь.

Лорд Рейли высвободился из объятий дочери и рванулся вперед, вздымая кулаки к небу.

— Кромвель, ты — проклятый мерзавец! Чтоб тебе изжариться в аду! — воскликнул он, однако его возглас потонул в общем крике.

При виде окровавленной головы толпа разразилась громкими воплями. Началась толчея. Возбужденные люди устремились к эшафоту, оттеснили солдат в сторону и проложили себе дорогу к возвышению. Крики ярости, плач и протяжные

стоны были громче, чем все команды, и толпу уже невозможно было удержать. В то время как тело короля вместе с его окровавленной головой поспешно положили в обитый черным бархатом гроб и понесли в замок, зрители, сумевшие протолкнуться поближе, принялись смачивать свои платки в луже крови: одни — с плачем, другие — с язвительным хохотом, в зависимости от своих политических убеждений.

Роберт Данмор удивленно взирал на это действо.

— Боже мой, зачем они это делают?

— Некоторые из них, несомненно, надеются неплохо заработать на этом, — сказал его отец.

— Как это — заработать? — осведомился изумленный Роберт.

Однако Гарольд Данмор уже отвернулся от эшафота, чтобы покинуть место казни. То, что произошло, было для него делом решенным. Роберт, пожав плечами, отправился вслед за ним. Уходя, он пробормотал себе под нос:

— Неужели это торговцы реликвиями? Хм, вполне может быть. Сумасшедших людей хватает везде, а в Англии — больше, чем где-либо.

Элизабет вытянула шею, оглядываясь в поисках своего отца. Ее оттеснила от него бушующая толпа. Роберт и ее будущий свекор тоже исчезли из виду. Она стояла, зажатая между злобными зеваками, которые осыпали друг друга дикими ругательствами. «Круглоголовые» яростно ругали сторонников Стюартов, а те зло отвечали им, и повсюду начали вспыхивать первые драки. Элизабет толкали со всех сторон, ей было трудно дышать, и она боялась, что ее сейчас собьют на землю и растопчут. Уже мгновение спустя непосредственно рядом с ней вспыхнула ссора, перешедшая в драку не на жизнь, а на смерть. Какой-то доведенный до невменяемого состояния мужчина, в котором без труда можно было узнать пуританина, поскольку он носил простую черную одежду и был строго причесан, замахнулся толстой палкой на раздетого в бархат и кружева джентльмена. Последний с криком «Смерть убийцам короля!» стал защищаться и, обнажив шпагу, хотел уже